

СПЕЦИФИКА ЛЕКСИЧЕСКОГО РЯДА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

© 2022 г.

Е.Ю. Муратова

Витебский государственный университет
им. П.М. Машерова
mouratova@tut.by

В статье исследуются особенности лексического ряда в творчестве М. Цветаевой. Особой чертой идиостиля Цветаевой является соположение в рамках одной-двух стихотворных строк однокоренных слов (*Спите, спящие рты, / Летите, летящие листья!*), а также антитезу однокоренных слов. Нередко в своем творчестве М. Цветаева использует грамматическую антитезу в отношении совершенного и несовершенного вида глагола (*Весь век дарю – не издарю! / Дробя, – свою же грудь дроблю!*), единственного и множественного числа существительных, поэт употребляет формы существительных *singularia tantum* во множественном числе, создает окказиональную лексику (*бормот, вздор, заживо-зарытость*). В творчестве М. Цветаевой нередко своеобразно функционируют служебные части речи. Особое значение для поэта имеют предлоги *под-над*, что отражает деление ее мира на быт и бытие, где быт – *под*, бытие – *над*.

Ключевые слова: лексика, идиостиль, антитеза, единственное и множественное число, окказионализмы, служебные части речи.

Ореол серебряного века создавали самые разные писатели, поэты, художники. «Но всех их объединяло одно, главное: осознание своей эпохи как совершенно особой, выходящей за пределы того, что было прежде, в девятнадцатом веке в первую очередь, и одновременно с этим – деятельное, действенное отношение к этой эпохе и ее проблемам» [1, с. 5].

Поэты серебряного века (В. Маяковский, В. Хлебников, А. Белый, А. Ахматова и др.) внесли в поэзию новое видение мира, новые темы и образы, иной, по сравнению с XIX в., поэтический язык.

В этом ряду Марина Цветаева занимает особое место. «За вычетом Анненского и Блока и с некоторыми ограничениями Андрея Белого, – писал Б. Пастернак, – ранняя Цветаева была тем самым, чем хотели быть и не могли все остальные символисты, вместе взятые. Там, где их словесность бессильно барахталась в мире надуманных схем и безжизненных архаизмов, Цветаева легко носилась над труд-

ностями настоящего творчества, с несравненным техническим блеском» [2, с. 339–340].

Многие стихи и проза М. Цветаевой трудны для восприятия. В эссе «Поэт о критике» она пишет: «Чтение – прежде всего – сотворчество. Устал от моей вещи, значит – хорошо читал и – хорошее читал. Усталость читателя – усталость не опустошительная, а творческая. Сотворческая. Делает честь и читателю и мне».

Особой чертой идиостилия Цветаевой является соположение в рамках одной-двух стихотворных строк однокоренных слов: *Спите, спящие рты, / Летите, летящие листья! Ох мой родный, мой природный, мой безродный брат! / Как хорошо мне под луною – / С нелюбящим и нелюбимым.*

*Заедай верстою вЕрсту,
Отсылай версту к версте!
Перегладила по шерстке, –
Стосковался по тоске!*

Для творческой манеры М. Цветаевой характерно восстановление в слове тех смыслов и семантических связей, которые им в языке уже утрачены. Подобное восстановление утраченной этимологии можно наблюдать, например, в словах *заочность* и *победоносец*, в которых в современном русском языке не вычленяются смыслы: *за оком* или *несущий победу*. А Цветаева выявляет именно эти утраченные значения: *Заочность: за оком лежащая явь..., Победоносец, / Победы не вынесший.*

Соположение однокоренных слов может иметь и иную художественную задачу, а именно: через антитезу однокоренных слов М. Цветаева подчеркивает несовместимость каких-то взглядов, состояний, качеств, при этом такое соположение до предела обостряет эту несовместимость: *Не любовницей – любимицей / Я пришла на землю нежную. Кто бескорыстней был?! / Нет, я корыстна! Ты мне велишь – единственный приказ! – / И засыпать и просыпаться – рано. Вы столь забывчивы, сколь незабвенны. Кто я теперь? – Единая? – Нет, тыща! / Завоеватель? – Нет, завоеваньё! Та, что была неумной, / За вечер вдруг унялась.*

Нередко в своем творчестве М. Цветаева использует грамматическую антитезу в отношении совершенного и несовершенного вида глагола: *Весь век дарю – не издарю! / Дробя, Ох мой родный, мой природный, мой безродный брат свою же грудь дроблю! Вот: слышится – а*

слов не слышу. Как встречалось – не знала, / А уж так: встрелось – спелось. Ведь все равно – что говорят – не понимаю. / Ведь все равно – кто разберет? – что говорю.

Любая грамматическая антитеза глубинно влияет на смысл текста, что мы наблюдаем, например, в следующих строках М. Цветаевой:

*Что за тебя, который делом занят,
Не умереть хочу, а умирать.*

В данном контексте оппозиция глаголов совершенного и несовершенного вида несет огромную смысловую нагрузку. Умереть за свою мать, ребенка, любимого, родину – кажется, выше цены нет, но поэт, поменяв всего лишь вид глагола, высоко поднимает планку этой цены: не просто умереть, а умирать – тяжело, мучительно и долго готова лирическая героиня.

Антитеза может иметь грамматическую основу: противопоставление единственного и множественного числа существительного: *Так писем не ждут, / Так ждут – письма... Все у Господа – сыны, / Человеку надо – сына!*

Художественная роль множественного числа может проявляться в творчестве М. Цветаевой и иначе. Поэт «присваивает» формы множественного числа существительным *singularia tantum*, абстрактным, вещественным и собирательным, в результате чего в лексемах появляются новые оттенки значения, углубляющие художественный смысл текста: *ады, анафемы, беспамятности, блажи, близи, братства, великолетия, вздоги, глушизны, громы, длинноты, новоявленности*. «Выразительная семантика форм множественного числа, – пишет О. Ревзина, – обеспечивает смыкание обобщения и конкретности выражения, оценка становится знаком познанности. В поэтических текстах соплагаются два голоса, две «картины мира»: общепринятое и новое знание, которое исходит от «я»-субъекта... Новое знание требует нового языка, прорыва сквозь классификационную сетку языковой системы, перехода от мышления «классами» к мышлению «признаками» [3, с. 37].

Вот отрывок из стихотворения М. Цветаевой «Хвала богатым»:

*И за то, что в учётах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,
Вот меня, наглеца, не купят –
Подтверждаю: люблю богатых!*

Именно форма множественного числа существительных *скука, позолота, зевота, вата* художественно усиливает степень авторского неприятия и ненависти к богатым. У них именно не *скука*, а *скуки*, не *зевота*, а *зевоты*. И живут они *Под колёсами всех излишеств: / Стол уродов, калек, горбатых... / И засим, с колокольной крыши / Объявляю: люблю богатых! / За их корень, гнилой и шаткий, С колыбели растящий рану, / За растерянную повадку / Из кармана и вновь к карману... / За их тайны – всегда с нарочным. / За их страсти – всегда с рассыльным! / За навязанные им ночи, (И целуют и пьют насильно!).* Как видим, конкретизация существительных в форме множественного числа не оборачивается простой множественностью понятий, здесь начинается происходить сложный семантический процесс, поскольку на опредмеченное значение накладываются дополнительные оттенки смысла, передающие образ жизни, насыщенной «ничем», пустотами.

Другой пример важной художественной роли множественного числа в поэзии М. Цветаевой:

*Туда: в веселящий газ
Глаз, газа... В платный Содом?
На койку, где все до нас!
На койку, где не вдвоем*

*Никто... Никнет ночник.
Авось – совесть уснет!
(Вернейшее из ночных
Мест – смерть!) Платных теснот*

Ночных – блаже вода!

«Употребление существительного *теснота* во множественном числе определяет появление следующих смыслов: тесноты – это и теснота конкретного помещения (казенные дома для встреч), и «платная теснота», т.е. безвыходность конкретной ситуации (*В платный Содом? / На койку, где все до нас! / На койку, где не вдвоем / Никто...*), но главное – любое ограничение душевных стремлений человека разными обстоятельствами его внешней жизни» [4, с. 204].

В творчестве многих поэтов XX века язык стал изображаемым явлением, предметом художественного внимания и творческого преобразования, т.е. в поэтическом языке XX века развивается такое явление, как окказиональная лексика. Как пишет М.Л. Гаспаров, «...исходной темой может быть не только кусок действительности, но и кусок языка: когда

Хлебников пишет: «О, рассмейтесь, смехачи!..», то темой его служит не явление «смех», а слово «смех» с его словообразовательными возможностями» [5, с. 196].

Любой окказионализм является источником новых смыслов. Как пишет Фрейденберг, «с одной стороны, тот или иной смысл не может реально существовать без одновременного отложения в виде известной структуры. С другой стороны, сама структура, представляющая собой морфологическую сторону смысла, является поводом для смысловой расшифровки и порождает новый смысл» [6, с. 118–119].

Окказиональное словообразование является яркой приметой идиостиля М. Цветаевой. Особенно активны в ее творчестве лексемы с нулевой суффиксацией: *бормот, вздрог, вжм, вмах, ворк, всных, всхлес, вымах, воркот, выскок, зноб, ков, охлест*.

Рассмотрим следующие строки из стихотворения М. Цветаевой «Заводские»:

*Стоят в чернорабочей хмури
Закопченные корпуса.
Над копотью взметают кудри
Растроганные небеса.*

*В надышанную сирость чайной
Картуз засаленный бредет.
Последняя труба окраины
О праведности вопиет.*

*Труба! Труба! Лбов искаженных
Последнее: еще мы тут!
Какая на-смерть осужденность
В той жалобе последних труб!*

*Как в ващу бархатную сытость
Вгрызается их жалкий вой!
Какая заживо-зарытость
И выведенность на убой!..*

В данном стихотворении М. Цветаева создает окказионализмы *заживо-зарытость* и *выведенность*. Казалось бы, почти нет разницы этих существительных с узуальными глаголами *зарыть* и *вывести*. А между тем смысловая разница между ними огромна. В глаголах по их морфологической сущности присутствует сема времени, в существительных ее нет. Следовательно, глагольная форма *зарыть* предполагает воз-

возможность *вырыть*: зарыли, а потом вырыли; глагольная форма *вывести* предполагает возможность *ввести* обратно: вывели, а потом ввели обратно. В созданных М. Цветаевой существительных *зарытость* и *выведенность* главенствует сема вечности: никогда этих людей не выруют и никуда обратно не введут. Абсолютная необратимость ситуации.

В творчестве М. Цветаевой нередко своеобразно функционируют служебные части речи. Особое значение для поэта имеют предлоги *под-над*, что отражает деление ее мира на быт и бытие, где быт – *под*, бытие – *над*. Оппозиция *быт и бытие* было для М. Цветаевой философской границей ее существования. Она писала, например, Александру Бахраху: «Быт? Да, это такая мерзость, что грех оставлять ее на плечах, уже и без того обремененных крыльями!». Уметь передать эту оппозицию при помощи всего лишь предлогов – великий талант поэта: «Друг, друг, я ведь дух, душа, существо. Не женщина к Вам писала, и не женщина к Вам пишет, то, что *над*, то, с чем и чем умру!». Во второй половине XX века такое восприятие мира научно обоснует Ю.М. Лотман, описав пространственную модель культуры, которая позволяет интерпретировать оппозицию «верх – низ» не только как физическую, но и как «этическую» вертикаль.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть и другие особенности лексического ряда в творчестве М. Цветаевой (лексикализация, нестандартная сочетаемость лексем, субстантивация и адвербиализация предлогов и под.). Тем не менее представленный анализ показывает уникальное видение М. Цветаевой слова, ее врожденное чувство языка, внимание к этимологии слова, его структуре, внутриязыковым связям, исключительной лингвистической интуиции поэта. И все это языковое богатство она отдает нам – читателям.

Список литературы

1. Серебряный век. Мемуары. (Сборник) / Составитель Т. Дубинская-Джалилова. М.: Известия, 1990. 670 с.
2. Пастернак Б. Собр. соч. Т.4. М., 1991. 370 с.
3. Ревзина О.Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: общие вопросы. Звуковая организация текста / отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1990. 300 с.
4. Муратова Е.Ю. Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова // Випуск 5'2011 Серія 9. Сучасні тенденції розвитку мов. 205 с.
5. Гаспаров М.Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение: (проблема сравнительной метрики) // Историческая поэтика: Итоги и перспективы. М., 1986. 336 с.
6. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра: период антич. лит. Л.: Гослитиздат, 1936. 15 с.

THE SPECIFICITY OF THE LEXICAL SERIES IN CREATIVITY MARINA TSVETAeva

E.Y. Muratova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The article examines the features of the lexical series in the work of M. Tsvetaeva. A special feature of Tsvetaeva's idiosyncrasy is the juxtaposition within one or two poetic lines of single-root words (Sleep, sleeping mouths, / Fly, flying leaves!), as well as the antithesis of single-root words. Often in her work M. Tsvetaeva uses a grammatical antithesis in relation to the perfect and imperfect form of the verb (I give it all the century – I will not publish it! / Crushing, - I'm crushing my own chest!), singular and plural nouns, the poet uses the forms of nouns *singularia tantum* in the plural, creates an occasional vocabulary (mutter, shudder, alive-burying). In the work of M. Tsvetaeva, the service parts of speech often function in a peculiar way. Of particular importance to the poet are the prepositions *under-over*, which reflects the division of her world into *being and being*, where *being is under*, *being is over*.

Keywords: vocabulary, idiosyncrasy, antithesis, singular and plural, occasionalisms, service parts of speech.